

Позже он вышел из тюрьмы. Жизнь его была свободной, но неопределенной, пока он совершенно внезапно снова не встретил Цяо Юаньлиня. Только в тот миг Лян Чэн осознал, что у него нет смелости признаться. Он не хотел раскрывать себя ни на йоту, не желая быть спасителем с грязным прошлым. В то время он не осмеливался подняться на крышу, чтобы вместе с Цяо Юаньлинем посмотреть на звезды. Он отказывался от сливовой газировки, которой делился с ним Цяо Юаньлинь. Он выращивал кактус только ради странной привычки тайно колоть кончики пальцев, чтобы заглушить тягу к боли. Не имея ничего, кроме затаенных душевных ран, Лян Чэн закрылся от всего мира, но Цяо Юаньлинь, упрямый и отважный, упрямо тянулся к нему и продолжал любить.

На самом деле он вовсе не любил рисовые шарики в молоке.

А задумывался он потому, что Цяо Юаньлинь казался ему чистым белым шариком, а сам он — грязным камнем.

В ту дождливую ночь в маленькой придорожной гостинице у шоссе Цяо Юаньлинь прижался к его спине и сказал, что он хороший человек. И узел в его сердце, затянувшийся словно старый шрам, наконец-то развязался.

Возможно, именно Цяо Юаньлинь спас его.

Все эти годы Лян Чэн изо всех сил старался быть обычным человеком: снова учился, стал врачом, восстановил связь с близкими. Он трудился вдвое усерднее, чтобы жить нормальной жизнью.

Теперь он мог есть сушеные сливы, и его больше не тошнило. Кактус стоял у него в кабинете, и на виду у всех он мог сдерживать желание причинить себе боль. Он жил на пятьдесят втором этаже и, возможно, в следующий раз наберется смелости подойти к самому окну.

Подвесной мост слегка покачивался под порывами сильного ветра. Лян Чэн отпустил страховочный трос и протянул руку Цяо Юаньлиню.

— Пока ты ждал меня в Седьмой школе, я тоже думал о тебе в своей клетке, — сказал Лян Чэн.
— Ты никогда не был для меня грехом, Цяо Юаньлинь. Ты самый особенный. С самого начала.

Глаза Цяо Юаньлиня покраснели от ветра, а зрение затуманилось.

Лян Чэн подошел ближе:

— Благодаря тебе я познал счастье, какого никогда не испытывал прежде. Я безумно боялся, что мое прошлое раскроется, но в то же время не мог остановиться.

Щеки обжигал холод, Цяо Юаньлинь изо всех сил сдерживал рыдания.

Во время того разговора с Ван Жуйчжи Лян Чэн обещал, что больше не позволит причинить Цяо Юаньлиню боль. Он обо всем знал:

— Две самые жестокие вещи, которые я совершил в жизни, — это убийство человека и отказ тебе.

Цяо Юаньлинь когда-то говорил: «Лян Чэн, ты обязательно должен оказаться в самом лучшем месте».

И вот теперь, на огромной высоте, когда над головой и под ногами клубились густые облака в лучах тусклого солнца, Лян Чэн отбросил все страхи и произнес:

— Рядом с тобой и есть самое лучшее место.

Цяо Юаньлинь ошеломленно замер и сжал его руку.

Лян Чэн прижал его к себе, обнажив душу перед ветром и облаками. Он взмолился:

— Я полюбил тебя уже очень давно, и это никогда не кончится. Будешь ли ты со мной?

Всхлипы заглушили ответ. Цяо Юаньлинь кивнул, чувствуя, что теперь не пожалел бы, даже если бы умер в этот миг.

Обняв Цяо Юаньлиня за плечи, Лян Чэн перевел его через подвесной мост, и они ступили на террасу Фуюнь.

Чжэн Яньдун мгновенно облегченно выдохнул. Один боится высоты, у другого больное сердце, и надо же было им признаваться в чувствах на высоченном подвесном мосту! Случись что, ему бы действительно пришлось эффектно спасти положение.

Ин Сяоцун тоже вся испереживалась. Она вздохнула:

— Да уж, велика сила любви, черт побери.

Почувствовав под ногами твердую землю, Лян Чэн перевел дыхание и приподнял лицо Цяо Юаньлиня со своего плеча. Тот весь был в слезах и продолжал плакать так, словно выплакивал всю горечь прожитых лет.

Ветром ему задувало в рот, Цяо Юаньлинь начал всхлипывать и задыхаться.

Лян Чэн погладил его по спине:

— Цяо Юаньлинь, прекращай.

— Ох... — простонал Цяо Юаньлинь сквозь слезы. — Брат... не могу остановиться.

Лян Чэн скомандовал:

— Будешь дальше плакать — начнется кислородное голодание. Слушай меня и выравнивай дыхание: вдох-вдох-выдох, короткий вдох, длинный выдох.

Цяо Юаньлиню наконец стало немного лучше, но в голове все еще не хватало кислорода — все плыло, будто во сне. Ему было уже ни до чего: он всучил все свои вещи Ин Сяоцун и намертво вцепился в руку Лян Чэна, не желая отпускать.

Терраса Фуюнь была очень просторной, похожей на небольшую площадь, со смотровыми площадками, выступающими со всех сторон для удобства туристов. Близились сумерки. Легкие облака окрасились в багровые тона, и все вокруг увлеченно фотографировали.

Цяо Юаньлинь взял Лян Чэна за руку и потянул к одной из смотровых площадок, подбадривая:

— Не бойся, я тебя держу.

Лян Чэна еще никто так не опекал. Он вспомнил, как впервые вез Цяо Юаньлиня на мотоцикле. Тот прижимался к его спине — было непривычно, но приятно.

Они встали на смотровой площадке. За перилами колыхалось море багровых облаков, напоминающее сказочную страну. Казалось, вытяни шею — и увидишь Врата Небесного Владыки. Цяо Юаньлинь завороченно смотрел на эту красоту, а затем сделал шаг вперед и потянулся рукой к плывущим облакам.

Стоявший сзади Лян Чэн не на шутку испугался. Не будь у Цяо Юаньлиня большого сердца, он, наверное, испробовал бы все: и прыжки с тарзанки, и серфинг, и полеты на парашуте.

Сложив ладони рупором у рта, Цяо Юаньлинь вдруг закричал во весь голос:

— Бабушка!

Лян Чэн никак не ожидал подобного. Он потянул его за капюшон теплой куртки и напомнил:

— Ты с ума сошел? Бабушка вообще-то еще жива-здоровая.

Цяо Юаньлинь прокричал дальше:

— Мы с Лян Чэном теперь вместе!

Он повернулся к Лян Чэну. Солнечный свет озарял его со спины, отчего черные волосы отливали золотом. Щеки горели румянцем, а в сияющих глазах стояли слезы. Следующую фразу он произнес тихим, но твердым голосом:

— Я сделаю тебя счастливым.

Лян Чэн замер. Стоявший перед ним парень слился с образом шестнадцатилетнего подростка. Тогда Цяо Юаньлинь тоже говорил, что будет добр к нему. Лян Чэн считал это просто детской лестью, но лишь позже осознал, что то было самое искреннее и серьезное обещание, которое он когда-либо слышал.

Насколько сильно он тосковал по прошлому, настолько же дорожил настоящим. Лян Чэн догадывался, что сейчас глупо улыбается. Он спросил:

— И как же ты собираешься сделать меня счастливым?

Цяо Юаньлинь опешил: кто же расспрашивает о таких вещах во всех подробностях? Немного подумав, он с озорным видом ответил:

— Каша «восемь сокровищ» слишком тяжелая, поэтому я поднял сюда всего одну банку. Вечером отдам ее тебе.

— О, как ты меня любишь, оказывается, — отозвался Лян Чэн. — А я принес четыре банки.

После наступления темноты спускаться с горы было нельзя. Большинство туристов подготовились заранее и всюду выбирали места под палатки. На вершине стояло несколько бесплатных общественных палаток, но их количество было ограничено, так что людям приходилось тесниться по несколько человек в одной.

На террасе Фуюнь не было ни электричества, ни связи. Зажглись десятки кемпинговых фонарей. Установив палатки, люди доставали все теплые вещи, какие у них были, ведь ночью

температура сильно падала.

Лян Чэн и Чжэн Яньдун возились в палатке, расстилая туристические коврики и спальные мешки. Двум парам длинных ног было страшно тесно. Чжэн Яньдун проворчал:

— Во время учебы ты всегда меня обходил. Почему же и с личной жизнью управился быстрее?

— Завидуешь? — спросил Лян Чэн.

— Не умничай, — ответил Чжэн Яньдун. — Но я правда за тебя рад.

Лян Чэн несильно ткнул его кулаком в темноте:

— Спасибо.

Снаружи показался силуэт Ин Сяоцун. Приоткрыв полог палатки, она спросила:

— Сяо Цяо вернулся? Я нигде не могу его найти.

Цяо Юаньлинь, окрыленный началом отношений, от избытка чувств бродил повсюду. Заметив семью из трех человек, играющую в карты, он пристроился рядом посмотреть на пару партий. Затем наткнулся на группу любителей астрономии и немного послушал их советы по наблюдению за звездами.

Из темного угла донеслись звуки музыки. Некий студент, переживавший расставание, играл на укулеле. Говорили, он планировал приехать сюда со своей девушкой, но перед праздниками они расстались.

Цяо Юаньлинь остановился послушать. Он вытащил цветок из своего венка, протянул его парню и попытался утешить:

— Не вешай нос. Учеба и средний балл в университете гораздо важнее любви.

Тот печально вздохнул:

— Легенда об озере Но приносит одни несчастья. Даже фея не смогла обрести там любовь, куда уж простым смертным.

Цяо Юаньлинь не удержался:

— А я сегодня обрел.

Студент прижал ладонь к струнам:

— Ты еще кто такой? Не раздражай меня!

Побродив еще немного, Цяо Юаньлинь прошел мимо частной палатки, к верхушке которой была романтично привязана связка разноцветных воздушных шаров. В ней устроилась супружеская пара средних лет. Завтра был день их свадьбы, и они поднялись на гору Юньци, чтобы встретить рассвет.

Муж достал из рюкзака бутылку красного вина и два бокала, которые с большим трудом притащил наверх, а жена открыла пачку мини-сосисок. Они чокнулись, празднуя событие.

Цяо Юаньлинь мысленно размышлял: ровно через год он обязательно вернется сюда с Лян Чэном. Он тоже притащит бутылку вина — непременно восемьдесят второго года, — а еще кремовый торт и охапку красных шаров в форме сердец.

Глядя на их мини-сосиски, он подумал, что угощение выглядит скромно. Пошарив по карманам, Цяо Юаньлинь вытащил два маринованных яйца и подарил супругам.

Лян Чэн отправился искать его с фонариком и в итоге обнаружил Цяо Юаньлиня в палатке какого-то фотографа. Тот забыл и про дела, и про еду, всю увлеченный беседой с незнакомцем.

Ему явно не хотелось уходить. Стоило им выйти наружу, как Цяо Юаньлинь сказал:

— Разбуди меня завтра в полпятого утра.

— Зачем? Заниматься тайчи? — подразнил его Лян Чэн.

— Хочу посмотреть на рассвет.

— Ты разве не боишься солнца?

Они как раз вышли на неосвещенный участок тропы. Цяо Юаньлинь прикрыл ладонью свет фонарика, быстро поцеловал Лян Чэна в уголок губ и прошептал:

— Теперь у меня есть парень, так что больше не боюсь.

Лян Чэн не успел опомниться, как Цяо Юаньлинь уже убежал вперед. Заметив его смущение, Лян Чэн с улыбкой пошел следом, не торопясь.

<http://bllate.org/book/18284/1753095>